

Р.-В. В. Кисель

ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Изложены обобщения относительно исторической оценки проявлений коррупции, тенденции, характерные для различных эпох, рассмотрены вопросы социально-экономических последствий коррупции в историческом ракурсе и основные направления противодействия этому негативному явлению.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, философско-правовой анализ, профилактика.

R.-V. V. Kisel

PECULIARITIES OF REFLECTION OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE PHILOSOPHICO-LEGAL THOUGHT OF ANCIENT CHINA

The article represents generalizations regarding the historical evaluation of corruption. The author analyzes trends typical for various epochs, issues of socioeconomic consequences of corruption in the historical context, and main directions to fight this negative phenomenon.

Keywords: corruption, fight, philosophico-legal analysis, prevention.

Постановка проблемы. Коррупция является предметом исследования различных наук, в контексте которых, в свою очередь, выделяют индифферентные по своей сути подходы, концепции и даже дефиниции упомянутого комплексного дефекта функционирования общества. Диверсификация доктринальных теорий относительно трактовки коррупции базируется в т. ч. на различных социокультурных условиях, формирующих среду для ее возникновения и развития. Значительное внимание к данному явлению обусловлено не только фактором социально-экономической и политической актуализации данной проблематики, но и тем, что данный феномен в силу своей многоаспектности остается недостаточно изученным, что, в частности, детерминировано значительной степенью латентности проявлений последнего.

Состояние исследования. Отдельные аспекты проблематики философско-правового онтогенеза коррупции отражены в работах Н. И. Мельника, Е. В. Невмержицкого, А. Н. Охотниковой, В. Д. Лаптеакру, В. И. Добренёва, Н. Р. Исправниковой, А. Л. Золкина, И. В. Годунова, В. Д. Андрианова, Г. А. Сатарова, Р. Ш. Шегабудинова, Л. В. Багрия-Шахматова, Д. В. Мирошниченка, Б. В. Волженкина и т. п.

Впрочем, анализ современного состояния доктринальной парадигмы освещения данного аспекта коррупционной компоненты социально-правового бытия дает основания для вывода об отсутствии консолидированного, системно-структурированного, а следовательно, и продуктивного исследования ретроспективы философско-правового измерения коррупции, что в свою очередь приводит к неполноте существующего концепта идентификации данного полиморфного явления. Анализ историко-правовых исследований коррупции дает основания утверждать, что данное явление зародилось еще в протосоциальных формациях и, потерпев многочисленные трансформации, остается «патологией современного общества».

Основная часть. В ходе освещения собственной концепции видения данного многоаспектного явления считаем целесообразным раскрыть этимологию коррупции. Термин «коррупция» (от лат. *corrumpere* — «уничтожение, разрушение, то, что приводит к деградации») первоначально ассоциировался с физико-химическими процессами взаимодействия поражающих факторов и объекта воздействия. В дальнейшем, несмотря на максимальную репрезентационную способность и глубокую сущность данного термина, он был интегрирован

в политическую сферу (в трактатах политической жизни Древней Греции он часто встречается как средство описания фактов получения чрезмерных вознаграждений государственными служащими, причем сам факт одаривания противоправным не признавался, а единственным превентивным фактором злоупотреблений было установление максимального совокупного размера таких вознаграждений — в пределах стоимости трех буйволов за год (согласно сведениям, изложенным в работе Полибия «История в сорока книгах» 148—143 г. до н. э.)).

Первые упоминания о коррупции находим в отчетах надзирателя за казной Напге шумерскому царю города-государства Лагаша Урукагине, датированных второй половиной XXIV в. до н. э., в трактатах «Артхашастра», опубликованных под псевдонимом Каутилья (один из министров Бхараты) в IV в. до н. э., где коррупция отождествляется с потоком воды, в котором государственные служащие чувствуют себя как рыба, что свидетельствует о констатации непреодолимости данного явления. В указанном собрании правил управления государством, помимо прочего, определены 40 видов «казнокрадства» (имеются в виду злоупотребления служебными полномочиями в целях получения личной имущественной выгоды вопреки легитимированным алгоритмам управленческой деятельности). Впрочем упоминания о коррупционных проявлениях находим даже в установках Сидхартха Гаутамы, более известного под именем Будды. Последний утверждал, что правители, отступившие от истинного пути, ставят свои прихоти выше интересов народа, допускают несправедливость, основанную на неравенстве, — воры, они ведь воруют счастье своего народа. Два древнейших свода законов, которые известны человечеству — «Кодекс Хаммурапи» (Вавилон, 2200 г. до н. э.) и «Эдикт Нармаба» (Египет, примерно 1200 г. до н. э.), относят взяточничество (квинтэссенцию коррупции) в перечень преступлений и предусматривают за совершение данного типа подкупа суровые наказания. Так, в первом из указанных выше консолидированных актов закрепляется методика идентификации коррупционности поведения судей: «Если судья рассмотрел дело и принял решение по результатам его рассмотрения, изготовил официальный документ, скрепив его печатью, после чего решил изменить принятое им

решение, то этого судью следует обвинить в продажности, а измененную в результате его действий цену иска последний должен уплатить в двенадцатикратном размере; кроме этого, данного судью на собрании должны лишить статуса судьи и права заседать с другими судьями в суде» [1].

Учитывая определяющее значение цивилизации Древнего Китая в процессе формирования современного комплексного и специализированного алгоритма организации и практической реализации государственного управления (именно в этой стране впервые были введены такие специализированные институты государственной власти, как министерства, которые функционировали на основе четкой дифференциации полномочий), институционализация феномена коррупции в письменных памятниках этой страны приобретает характер фундаментального, системообразующего базиса всего дальнейшего исследования коррупционной проблематики.

Исторические исследования социально-политического положения Древнего Китая содержат сведения о крайне сложной ситуации, в которой находилось данное государство на рубеже династий Ся и Чуньцю (12—7 в. до н. э.): основной тенденцией развития общества выступала девальвация аксиологических базисов организации — падение рабовладельческого и возникновение феодального строя [2]. Данный процесс закономерно сопровождался усложнением социально-правовых, экономических и политических процессов, поскольку институционализация принципа «сюзеренитета-вассалитета» обуславливала возникновение подданства как предпосылки формализации института прав человека, порождала архаичные по своему содержанию, однако полноценные по форме механизмы социальных релятиваций. Приведенные аргументы позволяют утверждать, что именно в данный период происходят упрочение стабильной организации системы органов публичной власти, стратификация функций между отдельными ее звеньями, фиксация механизма оплаты труда, а следовательно, и возникновение делинквентных процессов, связанных с практической реализацией функций названных институтов публичной власти, в т. ч. — коррупции. Известный философ Лао-цзы так отражал собственное видение динамики приведенных процессов:

«Когда увеличивается количество законов и приказов, растет число воров и разбойников...» [3, с. 57]. Лао-цзы не только обосновывал фундаментальную латинскую аксиому юриспруденции «*non legis — sine quano*», но и проявлял собственное негативное отношение к процессу чрезмерной бюрократизации процедур управления, что, в свою очередь, формировало базис для многочисленных злоупотреблений, которые в своем единстве и формируют коррупцию в ее основном проявлении — взяточничестве. Первопричину коррупциализации служащих Лао-цзы связывал с естественным стремлением человека к удовлетворению личных потребностей. Основным методом минимизации коррупции как социально-экономического явления философ считал «отказ от возвышения значимости редких или драгоценных предметов. Это приведет к тому, что не останется ничего, чтобы не поддавалось контролю и управлению человеком» [4, с. 123]. Исходя из указанной позиции, в представлениях Лао-цзы идеальное управление (в котором отсутствует фактор злоупотреблений) возможно лишь «в маленьком государстве с незначительной численностью населения» [2, с. 332].

Этико-политические идеи Конфуция характеризуют как теорию управления с помощью благотворительности (правил поведения), поскольку последние выражают основные политические взгляды, присущие только «школе служащих», созданной Конфуцием. Анализируя многочисленные реформы политического бытия Китая, Конфуций сформировал собственную трансцендентно-идеалистическую концепцию гармонизации алгоритма управления: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ, пытаясь избежать наказания, будет осуществлять беззакония, не испытывая стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и сострадания и обеспечивать порядок с помощью правил поведения, народ, чувствуя опеку, будет стесняться нарушать правила и исправится» [5, с. 156]. Под благотворительностью, по мнению автора, разумеется морально-психологическое перевоспитание, в свою очередь, правила поведения — это система прав и обязанностей, которые возлагаются на участников социально-правового бытия в условиях рабовладельческого

строю.

Таким образом, Конфуций определяющим залогом гармонизации управления в государстве, а следовательно, и противодействия комплексному деструктивному феномену коррупции считал формирование имманентного превентивного фактора, который в дальнейшей разработке И. Канта приобрел признаки «морального внутреннего императива». Субструктурное измерение приведенной концепции противодействия коррупции состоит в минимизации репрессивных механизмов при одновременной акцентуации значения института превенции и профилактики коррупционных деликтов через формирование устойчивой системы социальной резистенции на основе неприятия коррупции как социального явления. Так, Конфуций считал, что забота и доброта являются главными добродетелями, особенно забота о своей семье, но, несмотря на это, он предупреждал, что слишком буквальное толкование данной установки может стать причиной злоупотреблений чиновников, поскольку последние при принятии решений будут отдавать предпочтение своим семьям, что непременно приведет к диспропорционализму и несправедливости. Методом практической декорупциализации управленческих процедур Конфуций считал повышение уровня образованности народа и обеспечения надлежащего уровня удовлетворения бытовых потребностей последнего: «Великодушие и кротость — факторы, связанные с управлением народом. Великодушие требует от правителя проводить более лояльную политику по отношению к народу, который является его слугой. Не научив народ правилам поведения, его казнят за совершенные преступления... Кротость правителя — предоставление народу принадлежащих ему материальных благ. Народ следует сначала обеспечить, а уже после воспитывать» [6, гл. 5]. Иными словами, следует сначала поддерживать достойную жизнь народа, а уже потом требовать от него выполнения официальных правил.

Квинтэссенцией философского учения родоначальника всемирного философско-теологического движения «моизм» Мо-цзы можно идентифицировать как концепцию идеологического утилитаризма: «Если говорить о делах гуманистического лица, то последнее должно

развивать в Поднебесной лишь то, что приносит пользу, и уничтожать то, что причиняет вред» [7, с. 239]. Мо-цзы предложил рациональный метод управления — оптимальный, назвав его «объединение вместо противопоставления». Этот метод он характеризует как «закон мудрых правителей, путь управления Поднебесной» [8, гл. 4]. Для устранения большинства дестабилизирующих государственную политику факторов Мо-цзы предложил «делать так, чтобы общие интересы объединялись и составляли одно целое. Таким образом, отношение к другим, как к себе самому, приведет к состоянию взаимной любви и заботе, а правитель будет воспринимать своих подданных как детей. Только в этом случае интересы одних не будут противоречить интересам других...» [8, гл. 4]. Прогрессивность предложенной Мо-цзы концепции заключалась в фактическом опровержении системы «наследственных должностей», на которой базировалась кадровая политика тогдашнего Китая.

В современных условиях положениями правовой доктрины в контексте исследования коррупционной проблематики названные меры можно интерпретировать как форму борьбы с одним из проявлений коррупции — nepотизмом. Таким образом, приходим к выводу о том, что философом признавалась существенность проблемы социальной сегрегации как определяющей детерминанты публичной стагнации, вызванной неэффективностью функционирования государственно-властного аппарата. Методом противодействия обусловленным приведенными факторами злоупотреблениям Мо-цзы считает четкое планирование, видоизменение мотивов профессиональной деятельности и отмену преференций в социальном положении отдельных слоев населения.

Инновационные философские взгляды Сунь Ятсена определили активную культурно-политическую деятельность, связанную с Синьхайской революцией и последующей историей Китайской Республики. В 1894 г. впервые сформулирована программа возрождения Китая. В произведении «Представление Ли Хунчжана» [9, с. 308—311] Сунь Ятсен предложил путь умеренных реформ сверху, направленных на ограничение произвола чиновников и коррупции, обеспечение государством развития торговли и промышленности, просвещение народа, снятие

ограничений на издание литературы, отмену запретов на нововведения и др. Позже в обосновании концепции «будущего Китая» им были сформулированы «три принципа»: национализм, народовластие, народное благосостояние. Проведение национальной революции, т. е. ликвидация господства маньчжуров и установление собственно китайско-ханской государственности, осуществление политической революции, т. е. свержение имперского абсолютизма, осуществление социальной революции, т. е. обеспечение социальной справедливости, — все это факторы формирования более эффективного публичного механизма, прерогативами которого непременно должны выступать действенные средства резистенции интегративному явлению коррупции. Говоря о том, что имущественное неравенство — главная социальная болезнь Запада, а ее симптомом являются классовая борьба и неравномерное использование административного ресурса гражданами, Сунь Ятсен выступал против капиталистического пути развития Китая. По его мнению, чтобы предотвратить названную болезнь, следует предоставить равные права людям на получение земли, установить на нее умеренные цены, которые должны формироваться на основе показателей рыночной конъюнктуры и государственных субвенций местным бюджетам. На склоне жизни Сунь Ятсен трактовал принцип «народного благосостояния» как принцип «большого объединения». В основу социально-политического проекта им была положена концепция знания и действия. Осмысливая конфуцианскую идею «культуры и учения», Сунь Ятсен подчеркивает статус знания и культуры в истории.

Заключения. Коррупция как комплексный социальный феномен деструктивного типа идентифицировалась как фундаментальная проблема сложноорганизованных микросоциальных организаций еще в материальных памятниках античного периода. Освещению ее сущности уделяли внимание многие выдающиеся философы древности, в трудах которых коррупция, однако, приобретала исключительно философский, нравственно-эстетический, идеологический концепт, что обусловлено теоретико-идиоматическим измерением проектирования свойств коррупции, присущих

указанному периоду философской доктрины. Инверсификация подхода к идентификации коррупции в различные периоды обусловлена трансформацией не только социально-правовых институтов, но и видоизменением исследуемого явления, которое в контексте глобализационных процессов приобретало интегративный характер, детерминируя все глубже и обструктивнее метаморфозы в алгоритме социального, политического и экономического бытия общества и формы его институционализации — государства.

Несмотря на широкий спектр подходов и методик исследования данного явления, которые имели место в философской и правовой науке с античности до настоящего времени, мы должны констатировать фактическое отсутствие универсальной, всеобъемлющей концепции операционализации коррупции, обеспечивающей реализацию не только теоретического, но и праксиологического компонентов комплексной задачи нейтрализации пагубного влияния коррупции на общую социальную динамику в условиях глобализирующегося и стратифицированного общества. В целях преодоления данной доктринальной аномии предлагается инновационная, симбиотическая философско-правовая методика исследования коррупции во всей широте спектра уровней, проявлений и содержания последней. Методологической основой данной методики выступает проектирование коррупционной проблематики через призму инструментария философской доктрины, что дает консолидацию всех факторов, наличие которых является фактическим индикатором действенности, а следовательно, и рациональности последней.

Список библиографических ссылок

1. URL: <http://region86.ugrariu.ru/modules/cms/printview.phpid> (дата обращения: 21.09.2013).
2. История китайской философии: пер.с кит. / общ. ред. и послесл. М. Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989.
3. Маслов А. А. Загадки, тайны и коды «Дао дэ Цзина». М.: Феникс, 2005.
4. Маслов А. А. Восток-Запад: история и конфликты в современном мире. М.: РУДН, 2008.
5. Конфуций Лунь Юй. Древнекитайская философия. Памятники философской мысли: в 2 т. М: Мысль, 1994.
6. Конфуций. Философия / пер. Л. С. Переломова [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/408059> (дата обращения: 12.09.2013).
7. Рыков С. Ю. Учение о знании у поздних моистов // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция (Институт востоковедения РАН). М., 2009. С. 237—255.
8. Поэзия и проза Древнего Востока. Из книги «Чжуан-цзы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/vostok/42.htm> (дата обращения: 21.09.2013).
9. Грей Джон Генри. История Стародавнего Китая: пер.с англ. М.: Центрполиграф, 2006.

© Кисель Р.-В. В., 2013